

Глава 1

БОЙТЕСЬ СВОИХ ЖЕЛАНИЙ

О страхе перед высотой я вспоминала, только когда оказывалась над землей. Как сейчас: шагнула на балкон преподавательской башни, ощутила шпаривший в лицо по-зимнему злой ветер, и накатила паника. Сразу вспомнилось, что высота-то здесь была что надо! Далеко от мощеной площади, близко к черному звездному небу. Красивому, кстати. Из города такого не увидишь.

В белесой темноте виднелись сторбленные спины двух каменных гаргулий. Нахохленные, они сидели на припорошенных снегом перилах. В академии ходило поверье, будто эти статуи волшебные и исполняли желания. Левая помогала в учебе, правая — в любовных делах. «Главное, ничего не перепутать и правильно повязать красный шарф», — наставляла меня лучшая подруга Альма Сатти. Сейчас она, как верный боевой товарищ, стояла на стреме двумя лестничными пролетами ниже и бдела ночного зрителя.

После окончания занятий в преподавательскую башню подниматься запрещали, тем более на крышу и в середине ночи. Но смельчаки, доведенные до отчаяния, всегда находились. Не зря на гаргульях каждый день в любую погоду реяли

алые перевязи. А я была в отчаянном положении, просто в катастрофическом! В таком можно творить разные глупости. Но чтобы во благо! Все на алтарь диплома.

— Помоги мне, божественный слепец.

Ноги тут же заскользили по льду. Еле удержала равновесие! Расставив руки, я замерла на месте и перевела дыхание. От страха под дубленой душегрейкой взмокла спина. Зря Альма говорила, что на крыше будет холодно. Вон какая жара! Расстегнуться захотелось.

— Вот так, проси у Боженьки помощи, — ворчала я, тихонечко продвигаясь к нужной гаргулье. — На что рассчитывала?

Хотел бы помочь, не позволил бы провалиться две пересдачи высшей магии и оказаться в первых рядах на отчисление. Завтра будет третья. Последний шанс! С этой минуты я больше не доверяла божествам, только каменным гаргульям.

— Помоги мне, левая гаргулья, добраться до тебя здоровой...

Что бы Киар Рэнсвод, химеров преподаватель высшей магии, ни думал, но право и лево я не путала. Просто у него не глаза, а бездна. Как зыркнет, сознание мутнеет! Только из-за его тяжелого взгляда на экзамене я вскипятила воду не в том стакане и, что называется, открыла ворота в преисподнюю, где прилежные студенты проваливали пересдачи.

До сгорбленной фигуры со снежной коркой на гладкой башке удалось добраться без происшествий. Я выудила из кармана красный пояс от праздничного платья и примерилась к гаргулье.

Пришлось встать на цыпочки, чтобы завязать его бантиком.

— Дорогая левая гаргулья, — чувствуя себя по-дурачки, я погладила гладкую ледяную спину статуи, — помоги мне сдать экзамен по высшей магии. Пусть завтра принимает пересдачу кто-нибудь нормальный, а не адский магистр. Не понимаю, за какой лысой химерой... Ой! Я не о тебе! Но зачем бытовому высшая магия? Она же в быту бесполезна. Сама посуди: если бы я хотела изучать высшие заклятия, то поступила бы в Ос-Арэт, а не в нашу с вами любимую Академию общей магии. Согласна?

Неожиданно я поймала себя на том, что больше не поглаживаю каменную спину, а деловито постукиваю пальцами, и убрала руку.

Никто не собирался толкать гаргулье прочувственные речи, но накопилось. Альма сдала экзамен со второго раза и не понимала ужас ситуации. Писать маме тоже чревато. Она расстроится, закроет лавку магических мелочей и примчится в столицу скандалить с деканом. Или — что еще хуже! — с химеровым магистром. В общем, поплакаться было решительно некому.

Три года я стремилась к диплому с отличием. Училась как проклятая. Там, где не хватало таланта, брала старанием и дотошностью. Но на четвертом курсе врезалась в Киара Рэнсвода с его высшей магией, как химера в скалу, и теперь стояла первым номером в списке на отчисление. Все усилия моей кошке под хвост!

— Заранее благодарю, дорогая левая гаргулья, — закончила я и, зачем-то поклонив-

шись статуе, мелкими шажочками зачастила обратно.

Справа одиноко мерзла на ледяном ветру статуя, отвечающая за отношения. Притормозив напротив, я в нерешительности прикусила обветренную губу. Слышала, если не везет в делах, то должно повезти в любви. Но вряд ли безответные чувства к однокурснику, который не знал моего имени, можно назвать большой удачей или ошеломительным успехом...

Шарфа у меня не было. Я расстегнула душегрейку и заледеневшими пальцами вытащила из шлеек брюк дорогой кожаный ремень, мамин подарок на Новый год. Привязать его не удалось, только затянуть. Со стороны выглядело так, будто на статую нацепили ошейник с поводком и собрались выгуливать. Но она все равно каменная и вряд ли обидится.

— Дорогая гаргуля-крестная всех влюбленных, — торжественно начала я, уже смело натирая пыльную гладкую спину химеры, — познакомь нас с Финистом. Сделай так, чтобы мы друг к другу привязались. Сможешь?

Ветер неожиданно стих, словно гаргуля-сообщница действительно согласилась заключить сделку.

— Вы действительно ждете ответа? — проговорила она человеческим голосом.

— Химерово отродье! Ты живая?! — Я отскочила от статуи в инфернальном ужасе.

— Хотел промолчать, но ваша наивность граничит с глупостью, — вновь прозвучал голос в притихшей ночи.

Стало ясно, что гаргульи не ожили. Я оглянулась. Высокая мужская фигура в черном пальто утопала в глубокой тени. Понятия не имею, как давно он стоял возле стены и сколько увидел.

— Что вы тут делаете?! — вырвалось у меня агрессивней, чем хотелось. — Шпионите за студентками?!

— Дышу свежим воздухом, — с иронией в голосе отозвался незнакомец.

В противовес собственным словам он сунул в рот сигариллу и щелкнул пальцами, яркой вспышкой озарив лицо. От глубокой затяжки разгорелся яркий огонек, в воздухе повеяло резким запахом табака.

Я словно примерзла к каменным плитам. На балкон преподавательской башни в середине ночи вышел покурить Киар Рэнсвод. Кто бы сомневался, что у такого отвратительного типа есть какая-нибудь мерзкая привычка.

Как и все демоны в человеческом обличье, магистр из ада — удивительно привлекательный мужчина. Каждый раз смотрю и действительно поражаюсь, как отлично выглядела эта форменная скотина. Когда он два раза в неделю появлялся в академии и входил в лекторий уверенной походкой, поджарый и хищный, однокурсницы переставали дышать.

— На территории академии курить запрещено! — выпалила я, а потом подумала, какую сморозила глупость.

— Мне говорили, — невозмутимо отозвался он.

— Зачем тогда нарушаете правила? Это непедagogично!

Господи, София, заткнись! Ты облаяла химерового магистра высшей магии. Забыла про экзамен?!

— Полагаю, вам тоже нравится нарушать правила, госпожа студентка?

— Ни в коем случае! Я просто... выполняла студенческий долг перед академией! Украшала гаргулий ко Дню схождения лун, — на ходу сочинила я, удачно вспомнив о предстоящем празднике. Ждать его, правда, больше двух недель.

— Понимаю, Лунную Деву изображали, — с иронией поддержал он неловкую ложь. — Так что, я должен поступить педагогично и сдать вас ночному зрителю? Или сделаем вид, что мы никогда не сталкивались на этом балконе в середине ночи?

— И раз долг полностью отдан, пожалуй, покину этот абсолютно пустой балкон, — немедленно согласилась я с дельным предложением.

— Вас проводить? — уточнил Рэнсвод. — Из преподавательского долга.

— Нет-нет! Не надо лишнего благородства... то есть беспокойства. — Я начала продвигаться бочком к черному провалу дверного проема. — С наслаждением дышите свежим воздухом. Доброй ночи!

Холодный, как айсберг, голос магистра нагнал меня в дверях и заставил обернуться:

— Раз уж я стал свидетелем вашего ведического действия, госпожа студентка, позвольте дать добрый совет. Ничего не скажу насчет сердечных дел, но знаю, что вам поможет сдать экзамен по высшей магии.

— Что? — зачем-то промычала я.

— Старание. — Казалось, тяжелый взгляд, пронзивший ночь, прожег дыру у меня между бровей. — Попробуйте ради разнообразия.

«Кто бы знал, как я тебя ненавижу, напыщенный индюк!» — со злостью мысленно ответила я, задыхаясь от этой самой ненависти. Хорошее чувство. От него становится тепло в холод.

— Доброй ночи, — кивнул Киар, словно действительно поделился действенным способом, как заставить его написать в экзаменационном табеле спасительное «удовлетворительно».

Потеряв ко мне интерес, магистр отвернулся, а я скользнула в теплую темноту преподавательской башни, пахнувшей магией, чернилами и пылью. Клокотавшая внутри злость застила глаза. Хотелось от души шарахнуть дверью, но шум мог привлечь ночного зрителя. Оставалось скрипеть зубами и быстро спускаться по лестнице.

Одетая в зимний плащ, Альма маячила в пролете, нервно ходила под лестницей туда-сюда. Лицо цвета кофе с молоком, как у всех чистокровных айтэрийцев, терялось в темноте. Но в двух традиционных косицах словно светились кипенно-белые ленты.

— Все удалось? — зашептала она.

— Уходим быстрее! На крыше засел Рэнсвод.

— Кронпринц вполз из ада и попытался прорваться к небу?! — громко охнула она. — Помогите нам, предки Сатти!

— Тихо! Он может услышать!

Я занесла ногу, чтобы шагнуть с последней ступеньки, и кто-то невидимый с силой толкнул

меня в плечо. Руку свело от боли. Потеряв равновесие, я мазнула влажными холодными пальцами по гладким перилам, не в силах в них вцепиться, и свалилась напрямик на лучшую подругу.

К счастью, Альма была на полголовы выше и в два раза меня крепче. Поймала как миленькая и умудрилась устоять на ногах. Не зря с детства занималась турнирной магией, а сейчас входила в академическую команду.

Она не давала спуска ни одному парню! Скажу больше: темнокожую подругу боялись задевать даже прожженные шовинисты, выступающие за высылку из Шай-Эра всех выходцев из других королевств Крушвейской скальной гряды.

В смысле, все шовинисты, кроме капитана команды по турнирной магии. Но с Эзрой Ходжем у подруги была давняя вражда, притупляющая им обоим инстинкт самосохранения.

— Ты в порядке? — прокудахтала Альма, помогая мне вернуть вертикальное положение. — Так и шею свернуть недолго.

— Кто-то меня толкнул.

Невольно мы посмотрели на утопленную во мраке лестницу. Она была пуста.

— Показалось, — уверенно заключила подруга.

— Точно показалось, — согласилась я, разминая ушибленное плечо. — Пойдем, пока напыщенная скотина не спустилась.

Уверена, у Киара Рэнсвода ночь была куда добрее, чем у меня. До самого утра я повторяла заклятия высшей магии, а когда сознание поч-

ти погасло, решила освежиться в купальне. Последнее, что запомнила, — как встала из-за стола, а потом обнаружила себя дрыхнувшей в кровати.

К жизни меня возродила кошка Дуся. Требуя долгожданного завтрака, она принялась с энтузиазмом грызть мою ногу. Дескать, вставай, хозяйка, принцесса изволит покушать. Оставлять без еды исчадие ада было жестоко. И чревато. Не дам поесть, чего-нибудь наерундит.

Поднялась я безнадежно больной и разбитой, проспав утренние занятия. После обеда проходила лекция у Рэнсвода, и только смерть была достойным поводом пропустить высшую магию. Не после вчерашней отповеди на крыше и не перед пересдачей!

Пришлось сначала собрать силы, а потом собрать и себя. Зато мне никогда так не шла темно-зеленая мантия факультета бытовой магии. Она чудесно подчеркивала цвет лица. Я даже вздрогнула от восхищения, когда увидела в отражении вместо блондинки с голубыми глазами зеленоватое лихо с бескровными губами.

— Ты похожа на умертвие, — констатировала Альма, закрывая разложенный на коленях конспект.

— Чувствую себя так же. Всю ночь зубрила.

Стоять было муторно. Я опустилась на теплую скамью рядом с подругой и прихлебнула из термоса тониизирующий отвар из ягод аскаррома. Обычно верное средство оживляло умертвие любой свежести, но сегодня мне был способен помочь разве что некромант. Или неожиданное «хорошо» на пересдаче.

— Да я не о том... — Альма отложила папку с записями и плюхнула мне на лоб ладонь. — Так и есть: у тебя жар!

— Да? — Я вяло потрогала щеку, но ничего особенного не заметила. — Как ты поняла?

— У меня три младшие сестры, я на глазок определяю зимнюю лихорадку.

— Уверена, что это не аллергия на высшую магию? — мрачно пошутила я.

Подруга укоряюще блеснула темно-кариими глазами.

— Тебе надо к лекарю. Вдруг свалишься с воспалением?

Что и говорить, зимняя лихорадка — гадостная хворь. Никогда не знаешь, сляжешь ли с воспалением легких или через пару-тройку дней будешь здоровенькая рассекать по академии.

Подруга решительно поднялась и схватила со скамьи вещи.

— Вставай!

— Только не к лекарю! — скорчив мину пожалостливее, снизу в верх воззрилась я на суровую айтэрийку. — Клянусь, сразу после экзамена пойду в лазарет! Сейчас допью теплый аскаром, и отпустит.

Я протянула открытый термос с бултыхающимся остывшим напитком. Альма, что характерно, посмотрела внутрь и заявила:

— Он ледяной.

— Холодный аскаром еще лучше горячего.

Она выдержала паузу и проворчала, залезая в сумку:

— Тебе поможет отвар из калины. Бабушка Марица говорит, что калина — первейшее средство при зимней лихорадке. Все наши предки пили и нам завещали.

Боже, только не калина! Семья Сатти лечила этой химеровой ягодой абсолютно все болезни, начиная от несварения и заканчивая нервным тиком. У меня от одного запаха начиналось и то и другое.

— Я как раз свеженькую заварила. — Альма вытащила изукрашенный ай-тэрийскими узорами термос и с ловкостью фокусника обменяла на мой, напоминающий узкую чашку с ручкой. — Выпей все до капли.

Вот! Так всегда.

— Ну давай, не мнись... — засюсюкала она и вдруг гаркнула на весь центральный холл: — Немедленно!

Как боевой маг под присягой, я мгновенно отвинтила крышку и, затаив дыхание, сделала глоток горького отвара. Сделалось не лучше, а противно.

— Скажи, хорошо? — ласково улыбнулась Альма.

— Уже чувствую, как возрождаюсь к жизни, — соврала я и попыталась вернуть термос. — Большое спасибо. Ты моя спасительница!

— Я сказала — до последней капли, — сухо напомнила спасительница.

— Но как я оставлю тебя без отвара калины? — попыталась отвертеться от отравления. — Тебе же еще на тренировку.

— Перебьюсь. Уверена, что мои предки хотят, чтобы ты выздоровела.

— Не надо перебиваться и беспокоить предков. Мне уже лучше!

Альма сердито сдвинула темные брови.

— Хорошо, еще глоток — и пойдем в лекторий, иначе опоздаем, — предложила я грозной подруге и не дыша прихлебнула ядреный отвар.

Оставалось демонстрировать если не бодрость духа, то хотя бы бодрые шевеления. Я резво соскочила со скамьи. Голова немедленно закружилась, а плечо, вроде бы вчера никем не ушибленное, нехорошо прострелило. Да что за напасть меня сегодня преследует?

Животворящее ай-тэрийское средство делу точно не помогало, а мешало. В панике я окинула холл быстрым взглядом. Здесь всегда, с утра и до позднего вечера, пока не гасили огни, кипела жизнь. Студенты сидели на теплых скамьях, сновали вольнослушатели. Возле стены стояли открытые шкафы с книгами для обмена, их полки никогда не пустовали. У колонны притулилась карликовая лиственница в большой кадке...

Надеюсь, растение поймет и простит, если вылить чуточку отвара. А если нет, то все равно не пожалуется.

— Альма, ты займи нам места. Надо оставить книгу. — Я кивнула в сторону обменных полок, нередко выручавших меня, когда не было лишнего динара на новые романы. — Сейчас приду.

— Только не задерживайся, — согласилась она и проворчала: — Знаю я тебя, вечно возле книг залипаешь.

— Да третий день с собой таскаю. Опять забуду.

Способ был действенный. Альма искренне верила, что предки Сатти завещали ей прочитать главную книгу в жизни ай-тэрийских благородных дев «Житие святой Ауэрелии», а дальше по желанию. Но к литературе она испытывала такой же вялый интерес, как я — к турнирной магии.

Прояви подруга бдительность, пришлось бы расстаться с недочитанным томиком. Но приключенческий роман совсем новый, только изданный. Чудом отхватила последний экземпляр в книжной лавке! Такой обидно ставить на обменную полку, точно ведь заберут, пока закончится лекция.

Мы разошлись в разные стороны. Для верности я обернулась. Подруга, не подозревающая, что коварная пациентка решила подлечить академическое деревце, спокойно поднималась по лестнице на учебный этаж.

— Только не поворачивайся... — как заклинание пробубнила я и в кого-то со всего размаху вошла.

Волшебное ай-тэрийское снадобье щедро выплеснулось из термоса. Сверху странно крикнули. Оторопев, я уставилась на широкую мужскую грудь и огромную кляксу, растекшуюся на темно-зеленой ученической мантии. Тонкие ручейки, не успевая скатиться на пол, шустро впитывались в плотный рыхлый материал.

Очень медленно я подняла голову... Обтекал Финист Берт! Высокий, голубоглазый и теперь пропитанный калиновым отваром парень моей мечты. Потомок северян, но без глупых прядей в волосах и выбритых висков. Любая девуш-

ка позавидовала бы его ровному светлому цвету волос.

— Химерово отродье! — отпрянула я.

Он изогнул брови.

— В смысле не ты, а оно! — Я указала на пятно. — Подожди, все будет.

— Еще что-то будет? — ошарашенно уточнил Финист. Может, решил, что ему подольют сверху?

С видом профессионала свободной рукой я призвала магию и ею же припечатала к влажной кляксе. Из-под ладони, как из-под раскаленной подошвы утюга, пошел влажный пар. В воздухе повеяло не только калиной, но и паленым полотном. Дымок вдруг потемнел, как если бы мантию сжигали, а не сушили.

— Мы с ней уже готовы! — отшатываясь, выдал Финист и со странным видом потер грудь.

— Ты прав! — с идиотской улыбкой выпалила я. — Совсем готовенькая! Даже слегка задымилась...

Тут он убрал руку. На мантии красовалась подпалина в форме пятерни.

Выходит, я что, поджарила парня своей мечтой, как тыквенный пирожок? Застрелите меня кто-нибудь из арбалета.

— Ничего страшного, — хмыкнул он с мягкой улыбкой, тоже узрев след от пальцев. — Все нормально, правда. С кем не бывает?

С тобой, Финист, уверена, такое случилось впервые. Впрочем, как и со мной. Как думаешь, это повод повязать обручальные нити?

— Мне пора, — кивнул он.

— Да, мне тоже надо на лекцию, — согласилась я.

Время действительно поджимало.

— Удачи, — пожелал он, словно у нас были разные лекции, а не одна, та самая, по высшей магии.

Он обошел меня по дуге. Я развернулась на сто восемьдесят градусов и, чувствуя себя идиоткой, пошагала следом. Если оглянется, наверняка решит, что чокнутая с открытым термосом его преследует. А мы просто идем в один лекторий!

На лестнице Финист торопливо перешагнул через ступеньку. В ту же секунду меня рывком швырнуло вперед, словно кто-то дернул за веревку, привязанную к поясу. Охнув, я выплеснула остатки каинового отвара и пробормотала под нос:

— Какого химерового демона?!

Странное ощущение мигом исчезло. Я поспешно отряхивала капли животворящего снадобья, пока оно не впиталось в ткань. Мимолетно подняла взгляд... Финист стоял как вкопанный и рассматривал меня с таким видом, будто впервые встретил, но уже мечтал поколотить.

Для верности я даже оглянулась через плечо, не смотрит ли он на кого-то другого. Холл практически опустел. Стало очевидным, что северянин таранился вовсе не на лиственницу в кадке и даже не на высокие входные двери.

Переговариваться на приличном расстоянии было ужасно странно, но я громко спросила:

— Что случилось?

— Зачем ты это сделала?

— В смысле зачем? Случайно!

Может, и неплохо, что мы раньше никогда не разговаривали? У парня, похоже, раздвоение

личности. Сам же минуту назад уверял, что ничего страшного не произошло. Раз решил, то нечего передумывать. Первое слово дороже второго!

— Тогда сними! — потребовал он, подергав на груди подпаленную мантию.

— С кого из нас? — опешила я от неожиданно предложения.

— С обоих!

У меня точно зимняя лихорадка! Только в горячечном бреду может привидеться, что посреди бела дня и центрального холла Финист Берт потребовал стянуть с его широких плеч академические одежды.

— Не буду! — возмущенно отказалась я от публичного раздевания.

Он соскочил с лестницы и стремительно приблизился. Я даже попятилась. Финист остановился в полушаге, навис всем своим немалым ростом. В прозрачно-голубых глазах светилась холодная ярость, но голос прозвучал тихо:

— Сними заклятие.

— Так ты не о мантиях? — охнула я, осознавая, что от лихорадки действительно сделалась чуток туповата. — Я использовала обычную бытовую магию. Сам ведь знаешь.

— С каких пор связующая магия превратилась в бытовую?

— Но я не...

Он сжал мое запястье сильными пальцами и решительно повел в противоположную от лектория сторону. Я так обалдела от всего происходящего: от глупой ситуации, от ощущения, как он крепко держит... и ведет, что послушно семенила следом.

Куда, кстати? Не то чтобы я волновалась, но все-таки выгоднее продвигаться к аудитории. Адский магистр терпеть не мог, когда студенты опаздывали, и подвергал несчастных моральному четвертованию.

— Куда мы?

— Сюда.

Финист завел меня за колонну возле счастливо избежавшей полива лиственницы, подальше от лишних глаз. Он резко сжал кулак, призывая магию, и кивнул:

— Любуйся.

В воздухе между нами засветилась золотистая лента. Тонким поясом она обвивала мою талию и поводком тянулась к поясу парня. Нас действительно крепко-накрепко опутывало заклятие!

— Что на это скажешь? — требовательно вопрошил парень.

Магия потухла. Для начала я моргнула.

— Кто нас связал?

— Как понимаешь, не я.

— И не я!

Неожиданно вспомнилась вчерашняя ночь на крыше и просьба, в порыве вдохновения озвученная сторбленной гаргулье: «Сделай так, чтобы мы друг к другу привязались». И она действительно сделала! Буквально. Ей-богу, бойтесь своих желаний, иначе они возьмут и исполнятся. Или хотя бы четко формулируйте, иначе отдача замучает.

— Знаешь... похоже, все-таки я, — не очень веря в гаргулье волшебство, задумчиво протянула я. — Но совершенно случайно!

— Как можно не заметить, что ты использовала высшую магию? — раздраженно спросил парень.

Хороший, а главное, своевременный вопрос! Киар Рэнсвод точно оценил бы. Может, подсознательное вылезло, а бурлящая от лихорадки магия возьми и подчинись!

— Что сказать? — Я пожалала плечами, вообще-то не очень понимая, что следует говорить, когда понятия не имеешь, как уселась в лужу, да еще рядышком усадила парня мечты. — Я сегодня в ресурсе.

— И? — Парень кивнул, словно пытаясь подтолкнуть меня к правильному ответу.

— И понятия не имею, как от этого... — помахала руками, намекая на невидимый поводок, — избавиться. С высшей магией у меня не очень.

Тут в голове появилась неожиданная мысль. У Финиста никогда не возникало проблем со сложными заклятиями. На практикумах он был первым и экзамен сдал блестяще. О том, как ослепительно сверкает «превосходно» в его табеле успеваемости, шептался весь поток.

— Ты можешь разорвать связку! — высказала я. — У тебя проблем с высшей магией нет.

— Но я-то уже *не* в ресурсе. Выложилась с утра на тренировке. — Он по-мальчишески почесал затылок. — Пойдем к Рэнсводу, он погасит магию.

— Нет! — страшным голосом рявкнула я, хватая его за рукав мантии. — Только не к нему! Если Рэнсвод узнает, что я не справилась с магией, то ни за какие химеровы коврижки не пу-

стит на пересдачу. Я точно вылечу! Пожалуйста, Финист.

Неожиданно его губы, сжатые в твердую раздраженную линию, дрогнули. На лице расцвела широкая обаятельная улыбка. Обычно эта улыбка, увиденная со стороны, заставляла сердце трепетать, словно предназначалась только мне и никому больше, а сейчас сделалось обидно.

— Считаешь забавным, что я в списках на отчисление?

— Ты знаешь, как меня зовут, — невпопад ответил он.

У меня вспыхнули щеки. Молодец, София! Так бесславно запалиться.

— Если ты не в курсе, то мы три года ходили на одни и те же занятия, — с наигранным холодком пояснила я неожиданную осведомленность. — Конечно, я знаю твоё имя, Финист Берт.

— А я-то думал, что умница Грандэ не замечает простых смертных.

Другими словами, он все-таки в курсе, что я существую, и даже знает дурацкое прозвище, которое мне дали парни из группы по зельеварению.

— Так вот у этой умницы сейчас большие проблемы с высшей магией, — призналась я.

— Хорошо, попытаемся разорвать сами. Я скажу, что делать.

— Отлично!

Быстро выглянув из-за колонны, я проверила полупустой холл. До начала занятия оставались жалкие минуты. Если кто и торопился к учебным аудиториям, то на нас не обращал внимания.

Вольнослушателям тем более не было никакого дела до студентов, шепчущихся в уголке.

Сунув опустевший термос в сумку, я сжала кулак и призвала магию. Между нами медленно и нехотя разгорелась лента.

— Гаси здесь. — Он указал нужное место на поводке.

— Угу.

Я сжала inferнальный поводок в ладони, но неожиданно внутри словно открылась огромная воронка, наполненная клокочущей силой. Магия хлынула мощным потоком. Меня швырнуло вперед и припечатало к Берту.

От неожиданности он пошатнулся, я уткнулась носом в его грудь. К слову, больно. От мантии несло паленым полотном и калиной. Так себе благовоние.

— Ты должна была его потушить, а не укоротить.

В голосе Финиста больше не было раздражения, только искреннее веселье. Подозреваю, что он, как в застольном скабрёзном анекдоте, решил расслабиться и получать удовольствие от процесса.

— Прости! Не понимаю, что со мной сегодня.

Я просунула руку между нами, уперлась локтем в его каменный пресс и попыталась отклеиться: дергала, тянула, отталкивалась. Действительно, как в анекдоте. Самом страшном анекдоте ужасов!

— Полегче! — стараясь сдерживать смех, попросил Финист.

— Потерпи! — процедила в ответ. — Ты не один вообще-то страдаешь.

— С ума сойти, умнице Грандэ хоть что-то не удастся, — веселился он.

— У меня не выходит куча вещей, но именно сейчас — отцепиться от тебя, — пропыхтела я и неожиданно отскочила, как на пружине.

Финист ловко схватил меня за плечи, не позволяя упасть.

— Получилось! — выдохнула я, сдувая с лица растрепанные волосы. — В смысле, не то чтобы получилось...

Нас разделил целый шаг. Расстояние, конечно, мизерное, но хотя бы не придется передвигаться в обнимку. Не представляю, как бы мы тесным клубком вкатились в лекторий.

С другой стороны, адский магистр понял бы все с порога и не задавал дурацкие вопросы. Просто тихо-мирно принялся бы отвешивать ядовитые комментарии.

В гулкой тишине разнесся часовой бой, оповещающий о начале лекции. Невольно я задрала голову, словно грозный зов, как божественный глас, лился с потолка.

— Похоже, придется просить Рэнсвода, — сдалась я.

— Не торопись, — вдруг проговорил Финист, заставив меня удивленно вытаращиться. — Когда у тебя пересдача?

— Через полчаса после лекции.

— Если до пересдачи не справимся, тогда попросим, — неожиданно сжалился он.

— Но ведь нам придется вдвоем... по коридорам... — опешила я.

— Ты же не потащишь меня к алтарю, — пошутил он.

Поверь мне, брачная чаша сейчас не самое страшное. Если — не дай божественный слепец! — кому-то из нас приспичит в уборную? Вот чего стоит опасаться!

— Спасибо, Финист! — Я постаралась не зацикливаться на жизненных мелочах и от души поблагодарила: — Обещаю быть незаметной, не мешать и молчать. И еще... мне очень надо на лекцию. Иначе Рэнсвод...

— ...не пустит на пересдачу, — договорил он с улыбкой. — Знаю, он всегда так делает. Идем, зубрила.

Внутри меня клокотали взъерошенные чувства и бурлящая магия. Колени мелко дрожали, перед глазами плясали стены, и волнами накапывал жар. Господи боже, как может быть одновременно так хорошо и так же паршиво? Вот что значит прикоснуться к мечте! Теперь не издохнуть бы.

До появления Рэнсвода мы не успели. Дверь лектория была многозначительно прикрыта. Скрипела она как проклятая, не оставляя ни одного шанса войти незамеченными. Чудовищный звук, похожий на стон раненой химеры, разносился по помещению, заставляя всех присутствующих вздрагивать и оглядываться. Наверняка адский магистр специально выбрал именно эту аудиторию и не позволял зрителю смазывать петли, чтобы знать в лицо опоздавших героев.

Как и ожидалось, дверь традиционно застонала. Выпустив в мир этот чудовищный клич, мы

с Финистом проникли в набитую под завязку аудиторию.

Лекции Киара Рэнсвода всегда были открытыми, и на них неизменно собиралась толпа вольнослушателей. Демонский магистр преподавал в академии два раза в неделю, а остальное время служил во дворце... кем-то там. Вообще-то, его считали большим профессионалом. Я тоже, признаться, поначалу испытывала вдохновение, пока не попала на первый практикум и не получила щедрые моральные оплеухи.

Однако сегодня то ли звезды сошлись, то ли левая гаргулья была благороднее правой, но внизу, за преподавательской кафедрой, на фоне грифельной доски стоял помощник магистра Дрю! Добрейшей души парень в больших черепаховых очках.

Я сначала не поверила своим глазам, а когда поверила, то возликовала. Рэнсвода заменяли! Может, передачу перенесли? Или — и мне страшно в это поверить — экзамен будет принимать кто-нибудь другой?!

— Проклятье! — между тем совершенно не вдохновился Берт. — Опять этот химеров Дрю-очкарик.

Так, стоп! Я что-то не поняла: мне радоваться за себя или расстраиваться из-за парня мечты?

— Господин Берт, добро пожаловать! — в злобной манере самого магистра протянул его помощник, неожиданно выказав себя с темной стороны. — Начало — самая скучная часть, верно? Не стойте на пороге, присаживайтесь.

Он изящно проигнорировал тот факт, что Финист опоздал не один, а в компании девушки. Зато Альма, сидящая в самом центре зала, с трудом подобрала отвисшую челюсть.

— Шевелись, Грандэ, — тронув меня за локоть, пробормотал парень.

Мы спустились к тому ряду, где вольготно заседали его приятели.

— Двигайтесь, — тихо скомандовал Финист.

Как ни странно, абсолютно все подчинились, освободив нам парочку мест, хотя самим-то пришлось поприжать локти к подтянутым бокам. На меня никто не обратил внимания. Возле Берта всегда крутились девчонки. Возможно, не всегда такие зеленые, с не шибко свежими волосами, но мне вечно везет как утопленнику.

Хотя передумала — утопленникам везет больше! Три года надеялась, что Финист бросит на меня хотя бы мимолетный взгляд, без подкрашенных ресниц ни разу не зашла в академические корпуса. И что? Один раз проспала, не успела помыть голову, и по закону подлости мы столкнулись.

— Магистр просил провести вводную лекцию, — между тем заявил его помощник. — Я кратко расскажу о программе. Весь следующий месяц вы будете изучать синергию. Слияние силы и магии...

Дрю зачитывал по листочку. Монотонное бормотание оказывало поистине успокаивающий и усыпляющий эффект. Бурлящая магия, державшая меня на ногах, затихла. Разом нахлынула слабость, руки и ноги словно налились свин-

цом. Не делая попыток записывать, я рисовала на листе неровные завитки и чувствовала себя ужасно больной, несчастной и обиженной дурачками гаргульями.

— Заканчивая нашу лекцию, хочу добавить! — Неожиданно унылый голос помощника Дрю пронзила бодрость. — Господа студенты, практикумы по слиянию будут проходить в парах. До конца недели вы должны решить, с кем планируете работать в связке, и внести себя в список.

Он продемонстрировал пока еще пустой лист.

— Может, кто-то уже готов объявить себя парой? — На несмешную шутку никто не отреагировал, но Дрю понесло: — Подскажу главный секрет! Выберете человека, который вас не будет раздражать. Мы же не хотим, чтобы к концу курса вы друг друга прикончили.

— Особенно ты, очкарик, не хочешь, — с неприязнью поглядывая на Дрю, буркнул себе под нос Финист, и его приятели с трудом сдержали смех.

— Господин Берт, вы что-то сказали? — мигом оцетинился тот.

— Нет, я молчал, — опроверг парень, вызвав в приятелях настоящий восторг.

— Решили взять в пару вашу соседку?

Я мгновенно перестала вырисовывать круги и вытаращилась на помощника Рэнсвода, как на драконовую химеру.

— Кхм... — кашлянул Берт.

— Нет! — выпалила я.

— Отказываетесь? — с ехидной улыбочкой переспросил Дрю, явно желая унижить первого парня в селении, в смысле, в потоке.

Почему этот химеров очкарик раньше казался милым парнем? Рядом с Рэнсводом нормальные люди не задержатся.

— Не то чтобы я была против...

— Прекрасно! — Он щелкнул пальцами. — Решено. Уверен, из вас выйдет дивный дуэт. Вы, госпожа Грандэ, не дадите новому партнеру отвлекаться от занятий, а он поможет вам наконец справиться с экзаменом по высшей магии. Сплошная польза.

— Вот придурок, — едва слышно прошипел Финист.

— Внесите себя в список! — приказал помощник и помахал листом.

Мы по-настоящему напряглись.

— Сейчас?

— Какая-то проблема, господин Берт? — деловито поинтересовался Дрю.

Не какая-то, а еще какая!

— Можете передать лист?

— То есть мне надо к вам подняться самому? Как лакею?

— Извини, Грандэ, — пробормотал Финист, — я сделал все что мог. Считай это минутой славы, а не позора.

Скажите, знающие люди, этот день уже можно записывать в самые ужасные дни моей жизни или еще стоит обождать?

Он поднялся. Совершенно не готовая к унижению, я хотела сдвинуться на край лавки,

но северянин сделал шаг, чтобы потесниться в проходе... и ничего не случилось. Пока я боролась со сном, сосредоточенно прикусывая изнутри щеку, магическая связь растаяла сама собой.

— А ты молодец, — хмыкнул он, решив, что я незаметно избавила нас от позорной привязки, и быстро спустился к Дрю.

Нет, я, конечно, молодец, но понять бы, как им вдруг сделалась.

Без особого пиетета Финист выдернул лист из рук помощника магистра и, склонившись над преподавательской кафедрой, начал писать. На черной грифельной доске постепенно появлялись наши имена, накорябанные размашистым неряшливым почерком. В последней литере моей фамилии была ошибка. «Грандэ» переводилась с первоуродного языка как «умница», Финист же превратил меня в «тлен».

Пока он поднимался обратно, басовитый часовой бой объявил о конце занятия. Народ мгновенно начал собираться, вставать со своих мест. Гулкий лекторий наполнился разговорами.

— Пересдача не отменяется! — стараясь перекричать гул, надрывался Дрю. — В той же аудитории, что и прошлый раз! Не опаздывайте!

— Удачи на экзамене, Грандэ! — подхватывая со стола блокнот для записей, пожелал мне Финист и неожиданно подмигнул.

Переговариваясь с приятелями, он начал подниматься по ступеням к выходу, а я все пыталась понять, не привиделось ли мне это кокетливое подмигивание.

— Берг с тобой флиртует! — охнула подскокившая Альма, забыв о конспирации. Более того, ее совершенно не смутило, что нас можно было услышать.

— Тс! — шикнула я.

— Как вы оказались вместе? — она понизила голос до громкого шепота. — Хочу знать все, во всех грязных подробностях!

— Встретились возле дверей. Он тоже опоздал.

— И всего-то? — разочарованно протянула подруга.

Я пожалала плечами, дескать, обычное дело, и вручила ей пустой термос из-под калинового отвара.

— Спасибо, калина возродила меня к жизни.

— А выглядишь так, будто готова с этой жизнью попрощаться, — с подозрением заметила Альма, словно догадываясь, что ни капли отвара не попало ко мне в рот.

— В лечении всегда так: сначала становится хуже, а потом резко лучше, — сумничала я, убоившись, что она хранит в сумке еще один термос и немедленно мне его всучит. — У тебя есть еще калина?

— К сожалению, нет.

Какое счастье!

— А надо? — оживилась подруга. — Я еще успею перед тренировкой добежать до общежития и заварить.

— Ни в коем случае! Вдруг опоздаешь?

— Тут ты права. Тренер ненавидит, когда пропускают разминку. Потом будет гонять по залу, —

вздохнула Альма. — Но пообещай, что после экзамена тут же пойдешь в лазарет.

— Клянусь! — Я торжественно приложила руку к сердцу. Мантия под ладонью все еще была чуточку влажная от пролитого отвара.

До пересдачи оставалось не меньше получаса, но возле кабинета уже собрался народ. Нас, провалившихся, осталось меньше десятка. Самые упорные в достижении цели! Если кто не понял, это сарказм.

Все энергично нервничали, ходили туда-сюда по коридору, повторяли теоремы высшей магии. Я пыталась справиться с накатывающей волнами паникой, выместившей даже дурноту, и бубнила под нос, как надоевшую песенку, закон преломления магии.

— У тебя получается зажигать свечку? — вдруг тихо, как на похоронах, спросила у меня девушка с факультета инженерной магии.

— А? — Я вытаращилась на ее бледное от страха лицо с дергающимся глазом.

— Ну, свечка. — Она зачем-то изобразила руками большой пожар. — У тебя выходит ее зажигать?

— Не знаю.

А свечку-то я ни разу и не пробовала зажигать! Правило вызубрила, а испытать не сподобилась! Вдруг у меня не получается?

— А у меня не выходит, — пожаловалась девушка. — На экзамене не зажглась... и до сих пор никак.

— Говорят, молния не бьет в одно место дважды, — попыталась поддержать я.

— Ты права, он наверняка придумает что-нибудь другое.

Почему эта мысль так нервировала? В панике я полезла за конспектом, чтобы еще раз повторить порядок действий, как народ вдруг подобрался. К аудитории уверенной поступью приближался магистр Рэнсвод собственной персоной. Никуда не делся, по пути в академию не потерялся, просто его адское величество не явилось на собственную лекцию.

В руке он держал термос с каким-то напитком, черное пальто было перекинуто через локоть. От всей его поджарой фигуры в превосходно скроенном костюме исходило недовольство, словно каждым движением и жестом он говорил, как его достали бездари-неудачники.

Я вжала шею в плечи и постаралась уменьшиться в размерах. Узнает или нет? Но Киар не задержал на мне взгляда.

— Заходите по очереди, — мрачно бросил он на ходу и скрылся в аудитории.

Тишина, воцарившаяся в коридоре, отдавала всеобщей истерикой.

— Кто пойдет первым? — спросила девушка, та самая, с факультета инженерной магии, и нервно обтерла о синюю мантию ладони.

— На камень-ножницы-бумага? — предложил кто-то.

— Вы нелепы, — высокомерно бросил парень-алхимик в красной форме и решительно толкнул дверь.

Он скрылся в воротах ада. Мы проводили смельчака траурным молчанием, как в послед-

ний путь, но алхимик вывалился в коридор спустя пару минут. На худом лице застыло выражение глубочайшего потрясения. В руках мелко тряслась раскрытая студенческая книжка.

— Выгнал? — прошептал кто-то.

— Поставил «удовлетворительно», — прохрипел он севшим голосом. — Имя спросил и поставил.

В доказательство парень даже продемонстрировал еще не подсохший чернильный росчерк магистра, твердый и тревожный.

— Что происходит? — вопрошал алхимик у нас.

Хотела бы я знать, что случилось сегодня с Рэнсводом. С той ноги, что ли, встал?

Народ один за другим начал появляться из аудитории с заполненными графами. Я немедленно уверовала и в удачу, и в магию гаргулий, и даже в высшую справедливость. На пересдачу входила с опаской, но без паники.

Магистр стоял спиной и, сунув руки в карманы, смотрел в окно, словно в ослепшем от уличной темноты стекле мог разглядеть что-то еще, кроме собственного отражения. Пальто небрежно валялось на преподавательской кафедре.

— Добрый вечер, — поздоровалась я и без лишних просьб представилась его затылку: — София Грандэ, четвертый курс, факультет бытовой магии.

Рэнсвод развернулся резко, всем корпусом, и вперил в меня острый взгляд. Повисло неприятное молчание. Точно вспомнил вчерашнее столкновение на крыше!

Он прошел к кафедре и жестом фокусника вытащил из ящика оплавленную свечу в медном подсвечнике. В тишине тот звонко ударился о крышку стола.

— Зажигайте, — кивнул Киар.

Вот ведь мстительная сволочь!

— Но ведь остальные... — Я осторожно указала на закрытую дверь.

— Что? — резко спросил он, изогнув брови. — Что остальные?

В темных глазах плескалась бездна. Та самая, в которой отличницы топили надежды на высшее магическое образование.

— Нет-нет, — быстро уверила я. — Ничего!

— Тогда приступайте, — поторопил он.

— Ага, сейчас, — пробормотала я, суетливым движением скидывая на стол рядом с его пальто сумку и пристраивая табель, — уже приступаю.

Господи, из какого пыльного гримуара он выкопал это заклятие седой старины? Кому нужны свечи, если магические лампы сейчас продаются за сущие сантимы? Можно выбрать на любой вкус: круглые слюдяные, квадратные из лунного хрусталя или даже в виде трехрогих канделябров. Что ему, этому химеровому демону, под настольной лампой не читается?

— Зажечь свечку? — пробубнила я, встряхивая руками и настраиваясь. — Отчего же не зажечь? Сейчас зажжем.

Комментировать бормотание Рэнсворд не стал, но на шаг от кафедры отошел. Видимо, во избежание. Правильно! Я так сильно нервнича-

ла, что вполне могла затянуть на его горле узел дорогущего галстука.

— Не теряйте время, — оборвал он приготовления, не догадываясь о кровожадной идейке.

Я резко призвала магию, щелкнула пальцами, как он сам делал на крыше преподавательской башни, пробуждая огонь. Сила неконтролируемым потоком выплеснулась на свободу. Свеча не зажглась, а полыхнула. Из фитиля вверх рванула пика рыжего пламени, едва не мазнувшая острием по потолку. Лицо овеяло горячим потоком, словно передо мной раскрыли раскаленную печку. От жара воск за секунду расплавился и стек блестящей лужицей с черными разводами.

— Ой! — испугалась я.

Жадный огонь, сожрав предложенное угощение, мгновенно перекинулся на преподавательское пальто.

— Гасите магию! — рявкнул магистр, подсакивая к кафедре.

Но от изумления на меня напал столбняк. Я смотрела, как дымится черное полотно, и не могла пошевелиться. Пахло оно похлеще поджаренной мантии. Сразу видно: отличная, высококачественная шерсть!

Рэнсвод схватил со стола термос и выплеснул на пальто полпинты темного сока аскарома. Пламя послушно потухло, в воздухе за клубился зловонный дымок. От воцарившейся тишины звенело в ушах.

— Почему вы не использовали заклятие?! — рявкнул взбешенный магистр.

— Испугалась, — пролепетала я. — А почему вы его не использовали?

Перекошенное от ярости лицо Киара теперь еще и вытянулось. На мгновение он прикрыл глаза, видимо, пытаясь себя убедить, что орать матом в академии совершенно непедагогично, а именно эта студентка ратовала за педагогичный подход.

— Не знаете, когда стоит держать язык за зубами? — вкрадчиво спросил он.

— Но ведь свечу я зажгла, — осторожно заметила я.

Мы одновременно посмотрели на растекшуюся по столу лужицу воска.

— Я заслужила «удовлетворительно»! А что до пальто... — Я набрала в грудь побольше воздуха. — Компенсирую его стоимостью!

— Вы предлагаете мне деньги? — обманчиво мягким голосом уточнил он, сузив темные глаза.

— Только взять на себя ответственность и возместить потери, — извернулась я.

Мы замолчали. Внимательный взгляд Киара остановился на моих обкусанных от нервов губах, отчего их немедленно захотелось облизать. Он словно не верил, что ему действительно предложили денег.

— Возместить потери? — Неожиданно магистр кривовато усмехнулся, отчего стал похож на демона... очень сексапильного демона. — Поднимитесь ко мне в кабинет. Нам в любом случае надо поговорить.

— Сейчас?

— У вас есть срочные дела?

— Нет!

Пока он не передумал, я схватила со стола сумку и на ходу сунула в нее студенческую книжку с единственной пустой графой. Стоило выйти в коридор, как ко мне кинулись товарищи по несчастью.

— Почему так долго? — зашептали они. — Как прошло?

— Хорошо, — буркнула я на ходу и зачастила в сторону перехода в преподавательскую башню.

Самой не верилось, что Рэнсвод согласился на взятку и не послал меня прямиком в деканат за приказом об отчислении. Обалдеть!

Адский магистр никогда не выглядел человеком, нуждающимся в деньгах, но, может, проигрался и теперь не брезгует студенческими динарами? Возможно, в этом и заключался великий план пресвятой левой гаргульи.

Некоторое время пришлось подождать. Сильная, бурлящая магия заснула, вновь оставив после себя свинцовую тяжесть. Я привалилась спиной к стене возле двери с именной табличкой и прикрыла глаза.

Природа всегда отмеряла человеку резерв по силам. Излишек ранил. Видимо, зимняя лихорадка кипятила не только тело, но и колдовской дар, намекая, что мне со всех ног пора бежать в лазарет.

На лестнице раздались шаги. Я встрепенулась, испугавшись, что столкнусь с профессором по зельеварению, обитающим в соседнем кабинете, но появился Рэнсвод. Испорченное пальто вновь было перекинуто через локоть. Термос, судя по всему, остался в аудитории.

Киар молча отпер замок, открыл дверь и кивнул мне, приглашая в темную комнату. Стоило переступить через порог, как на потолке вспыхнула магическая лампа. Смотрите-ка, никаких дурацких свечей!

Полукруглый большой кабинет со стрельчатыми окнами казался совершенно обезличенным и ничем не пах: ни табаком, ни магией. Полки книжных шкафов сиротливо пустовали. Массивный стол выглядел идеально убранным, но по факту им просто не пользовались. Стоял письменный набор, возможно, оставшийся от предыдущего владельца кабинета, лежала стопка учебников. Похоже, Рэнсвод здесь не работал, а только оставлял вещи.

Неожиданно в тишине раздался щелчок замка. Я вздрогнула и почувствовала себя в клетке. Со зверем. Теперь оставалось за этим самым зверем следить и не впасть в панику.

Рэнсвод повесил пальто на рогатую вешалку в углу и, стягивая пиджак, бросил:

— Снимите одежду.

Глава 2

ПОТОМОК ИЗБРАННОГО

Поверить в реальность происходящего не удавалось. В шоке я следила за тем, как зверь в человеческой личине переместился к столу. Небрежно бросил на крышку пиджак, с невозмутимым видом вытащил из манжет белоснежной рубашки драгоценные запонки и начал закатывать рукава. Сначала один, потом взялся за второй.

У него были красивые сильные предплечья. На левой руке от запястья до локтя тянулся столбик нечитаемых, почти стершихся символов. Татуировка у уважаемого магистра высшей магии как нельзя лучше вписывалась в происходящий театр абсурда.

— Что вы сказали? — едва слышно выдавила я.

— Не нужно полностью раздеваться, я хочу увидеть вашу спину. — Он обернулся и поморщился: — Напомните, как вас зовут?

Другими словами, ты, химеров негодяй, предложил мне расплатиться за экзамен телом, а имя запомнить не сподобился!

— София Грандэ, — внезапно севшим голосом назвалась я.

— Умница София, значит, — безошибочно перевел он мою фамилию с первоуродного языка

и бесстрастно добавил: — Я знаю, что нужно делать, чтобы вам стало лучше.

— Не сомневаюсь в вашем опыте, но я не готова дать вам то, что вы просите! — твердо заявила я.

Долгую секунду мы смотрели глаза в глаза. Надеюсь, что вид у меня был решительный, а не жалобный. Даже брови у переносицы сдвинула, но руки тряслись. Безусловно, от возмущения.

— Подожди-ка. — Рэнсвод словно что-то просчитывал в уме и вдруг спросил в лоб: — Так ты решила, что я пытаюсь тебя соблазнить?

— Вряд ли ваше предложение можно назвать политесным словом «соблазнение», — отрезала я.

На его лице заходили желваки, взгляд четвертовал.

— Не знаю, каким ты меня рисуешь в воображении, но я не развращаю студенток. И меня совершенно точно не привлекают дети.

— Если вы не заметили, то я давно не ребенок.

— Вы удивитесь, госпожа Грандэ, — как-то вмиг успокоившись, он вновь перешел на официальный, — но под вашими мантиями не всегда угадывается возраст.

— Поэтому вы попросили раздеться?

— Так... — Он упер руки в бока и, на секунду опустив голову, глубоко вздохнул. — Видимо, вы не увидели рисунок.

Взгляд невольно переместился с его мрачного лица на незнакомые символы, неряшливыми кляксами пятнающие крепкое предплечье.

— Как вы себя чувствуете, София? — резковато спросил Рэнсвод. — Жар, ломота в теле. Нехарак-

терные вспышки магической силы. Стихийные, бесконтрольные заклятия, на которые вам никогда не хватило бы магии. Такие плетутся подсознательно и исчезают сами по себе. Первый признак, что не маг управляет даром, а наоборот. У вас болит плечо. Я заметил, как вы морщились на экзамене. Ничего не пропустил?

— Плечо действительно болит, — покусав нижнюю губу, через паузу призналась я и промолчала о связующих чарах, наложенных на Финиста.

— Когда вчера вы шустро сбегали с крыши, то забрали с собой мой магический дар. Вы должны были почувствовать изменения, — резюмировал он.

— Вы пытаетесь меня обвинить в краже? — скривила я губы.

— Я пытаюсь помочь, София, потому что сейчас моя магия вас сжигает.

В кабинете поселилось молчание. Я силилась что-нибудь сказать или хотя бы проблеять, но меня покинул дар речи. Да и в голове стало пусто. Не каждый день узнаешь, что вместо простуды на крыше преподавательской башни подхватила чужую магию и пришло время обряжаться в покойницкий саван.

— То есть у меня не лихорадка. Я по-простецки тут стою перед вами и тихо умираю? — дрогнувшим голосом переспросила я.

— Вы уловили суть.

Рэнсвод говорил так серьезно, что не оставалось сомнений: не обвиняет, не врет и не запугивает.

У меня опустились руки. Сумка соскользнула с плеча и упала под ноги. На пол выкатились самописные перья, и выскользнул дурацкий табель успеваемости.

— Выходит, вы были в курсе, чем мне грозит ваша магия, но почему-то не попытались найти. Я даже не пряталась!

— А я не разглядывал вас в темноте, — признался он. — Вы в любом случае появились бы на пересдаче.

Обвинения отскакивали от Рэнсвода, как мячи — от стены. И внутри всколыхнулась волна гнева.

— Что нужно сделать, чтобы вернуть вам дар? — с ледяными интонациями спросила я. — Показать метку, на этом все закончится? Отвернитесь, я сниму одежду.

Рэнсвод невозмутимо наблюдал, как я со злостью стаскиваю мантию, швыряю ее на диван и трясущимися руками поспешно хватаюсь за ворот простого платья. Верхняя пуговка, самая тугая, выскальзывала из влажных нервных пальцев.

— Остановитесь, София. Все гораздо сложнее, чем вы думаете, — спокойно попросил он притормозить с раздеванием. — Я должен объяснить, с чем вы столкнулись.

— Очевидно. Ту часть разговора, где вы что-то объясняете, мы незаметно пропустили.

— Сядьте, — приказным тоном скомандовал он и кивнул на старый диван. — Вы выглядите отвратительно.

Как этот товарищ, прости господи, дожил до своих лет, если до сих пор не знает, что чест-

ность и прямолинейность не всегда уместны?

— Спасибо, мне и стоится неплохо.

— Как пожелаете, — вздохнул Киар, словно разговаривал с капризным ребенком, а не с разгневанным магом (ладно, без пяти минут магом). — Вы слышали легенду о Рэноне?

— Сказку о первородном огне знают даже дети.

В ней рассказывалось, что в темные времена на землю опустились полчища драконовых химер, но избранный воин был отмечен божественным первородным огнем и спас кучу людей. Мне много раз попадались книжки с похожими сюжетами, авторам нравилось переписывать старые небылицы.

— Это не легенда, а изрядно приукрашенная реальная история, — спокойно объявил он. — Рэнон действительно существовал, охотился на драконовых химер и сохранил много жизней, но на несколько веков его особенный дар был утерян. Пока в роду не появился ребенок, достаточно сильный, чтобы управлять древней магией.

Он многозначительно примолк.

— Пытаетесь намекнуть, что вы тот самый потомок избранного? — У меня вырвался смешок, но магистр никогда не был весельчаком, любящим пошутить со студентами, и ерничать расхотелось. — Вы серьезно?

— Более чем.

— Во мне действительно сейчас первородный огонь?! Из детских легенд? И он меня сжигает, как проклятие черной магии, потому что...

В отличие от вас, я недостаточно сильная, — договорила упавшим голосом.

— Я сказал, что реальная история мало напоминает сказку, — развел руками Рэнсвод. — После потери дара нашей семьей пришлось изменить фамилию. Как понимаете, быть потомками легендарного Рэнона, но без первородного огня, довольно обременительно.

— Знаете, господин магистр... Вы были правы, некоторые новости стоит узнавать сидя. — Я плюхнулась на диван, однако перед глазами все равно плясали темные мушки. — Ох! Сесть что-то не помогло. Мне надо выругаться.

— Ни в чем себе не отказывайте.

— Матом.

— В таком случае лучше выругайтесь шепотом, — серьезно посоветовал он.

— На азрийском языке...

— Что вас останавливает? — терпеливо спросил магистр.

Дескать, любой каприз, лишь бы дама сначала не впала в истерику, а потом в прострацию.

— Я не знаю азрийского, — чистосердечно пожаловалась источнику всех проблем в моей недолгой жизни.

— Могу подсказать пару крепких выражений.

— И видимо, уже никогда не выучу, — с отчаянием прошептала я, не понимая, какого демона прицепилась к дурацкому азрийскому, этот язык мне даже не нравится.

— Послушайте, София. Мы в одной лодке, и я сделаю все, чтобы вы были в порядке, — не скатываясь в увещевания, проговорил Рэнсвод. —

Пока я выясняю, что произошло и, главное, как вернуть вещи на свои места, буду забирать излишек магического резерва. Достаточно прикоснуться к метке. Просто доверьтесь мне.

Магистр протянул руку. Думала, предлагал закрепить соглашение рукопожатием, но оказалось, что он хотел помочь мне встать с дивана. Ладонь у него оказалась горячая и сухая. Всегда считала, что теплые руки были только у хороших людей, но Рэнсвод умудрился эту замечательную теорию разрушить.

Он отвернулся без лишних просьб. Не к слепым окнам, где отражалась моя изломанная фигура, а к портрету его величества на стене. Наверняка картина тоже досталась ему в наследство от бывшего владельца кабинета, и вряд ли он любовался королем из чувства глубочайшей привязанности.

Я расстегнула платье. Рукав с натугой съехал с ноющего плеча, тонкую лямку нижней сорочки тоже пришлось приспустить.

— Все, — позвала я, переступив с ноги на ногу.

Смуцаться было нелепо, ведь никто не мнет-ся, раздеваясь на приеме у лекаря. Да и Рэнсвод, уверена, видел не одну голую женскую спину. Вряд ли моя отличалась от других особым шармом или уникальностью... Но какое же счастье, что спина не краснела от неловкости, как щеки!

Киар подошел. Казалось, под его взглядом кожу начало печь, и неожиданно даже для себя я поежилась.

— Метка есть?

— Да, — ровным голосом, тщательно пряча эмоции, ответил он.

— Но вы были до последнего не уверены? — внезапно догадалась я и извернулась, чтобы посмотреть, как выглядит эта самая метка.

Толком ничего разглядеть не удалось, только рваный край точно бы вытатуированного неровным пятном рисунка.

— Вам лучше не двигаться, — уклонился он от ответа.

— Простите.

Когда Рэнсвод прикоснулся кончиками пальцев к моей обнаженной спине, я вздрогнула.

— Я не сделаю вам ничего плохого, София, — тихо вымолвил он.

— Знаю.

В следующее мгновение из меня начала утекать магия. Пугающее ощущение, ничего приятного — сплошная паника! Захотелось броситься наутек, но усилием воли я удерживала себя на месте. Представляла, что выросла в пол, как дерево — корнями в скалистый уступ, и сдвинуть меня не сможет даже самый сильный ураган, только сломать. Хотелось верить, что Рэнсвод не собирался этого делать.

В люстре затрещали огни, замигали, угасая и вновь разгораясь. Не сдержавшись, я вновь посмотрела на стеклянную дверцу шкафа, где отражался Киар. Вокруг его руки хаотично кружились огненные символы на незнакомом мне языке, на предплечье светился рисунок. Глаза тоже светились, как у демона, алым цветом. Один раз

такое увидишь, три недели спать не будешь! Я поспешно отвернулась.

Все закончилось внезапно. Магистр убрал руку, люстра перестала трещать, огни тотчас разгорелись.

— Одевайтесь, — бросил он, ей-богу, как на приеме у лекаря.

Я поспешно привела одежду в порядок. Лихорадка ушла, болезненные ощущения полностью исчезли, и появилась кипучая энергия. Не выматывающая и нервная, когда носишься кругами, как бешеная белка, но толком ничего не делаешь, а здоровая, пробуждающая желание если не свернуть горы Крушвейской гряды, то хотя бы их покорить.

В отличие от меня, Рэнсвод застыл, опершись о стол. Напряженные широкие плечи, вздутые вены на руках, побелевшие костяшки пальцев на сжатых кулаках, опущенная голова — вся поза доказывала, что магия ему не зашла и встала колом. Рисунок же на предплечье, словно напившись силы, вернул яркость. Это были крупные символы древнего языка, гораздо древнее даже первородного.

— Как вы себя чувствуете? — отрывисто бросил он, не догадываясь, что за ним внимательно и испуганно наблюдают.

— Лучше, чем неделю назад. А вы?

— Хуже, чем неделю назад, — не стал лукавить он, но резко выдохнул и выпрямился.

Преображение случилось буквально за мгновения. Передо мной вновь предстал привлекательный, но пугающий взрослый мужчина

с острым взглядом, умеющим подмечать любые мелочи. Разве что лицо осунулось.

Пока он спускал рукава рубашки и вдевал запонки, я собрала в сумку рассыпанные самописные перья. Подняла студенческий табель с выдвленным гербом Академии общей магии на мягкой кожаной обложке и задумчиво покрутила в руках.

— Какие у вас планы на вечер? — бросил магистр.

О, мне предстоит насыщенный вечер! Я планирую пройти пять стадий принятия неизбежного, но в ритме шай-эрского вальса, иначе застопорюсь на депрессии и к утру впаду в черную хандру. Может, еще подумаю, кому завещать кошку. Конечно, умирать в ближайшие дни я все-таки не планировала, но во избежание сиротства хвостатого демона стоит позаботиться о ее будущем.

Рэнсвод не дождался внятного ответа.

— Поужинайте со мной. Нам надо многое обсудить, но не в стенах академии.

Как всегда, он прав: тема для разговора у нас была. Я молча протянула табель. Магистр вопросительно изогнул брови.

— Вы сказали, что мы сейчас в одной лодке и самое время сотрудничать. — Я кивнула на документ в своей руке. — Поставьте мне «отлично» за экзамен.

— Да вы умеете расставлять приоритеты, госпожа Грандэ, — с иронией хмыкнул он.

А вы профукали древний дар, господин потомок избранного, но заметьте, я не тыкаю вам в лицо этим вселенским провалом.

— И припишите три плюса, — невозмутимо попросила я.

— А плюсы зачем? — искренне заинтересовался он.

— Моральная компенсация за каждую пересдачу.

— Хорошо.

С едва заметной улыбкой Рэнсвод забрал книжку и шагнул к столу. Сдвинув пиджак, он вытащил из письменного набора чернильное перо. Признаться, я полагала, что оно вообще не пишет и даже не заправлено. Стоит просто так, для интерьерной гармонии.

— Подождите! — заволновалась я, пытаюсь подглядеть, что он черкает в моем табеле. — Так «хорошо» или «отлично»?

Рэнсвод вернул мне студенческую книжку. На секунду показалось, что из воспитательных потуг он все-таки отвесил «отвратительно», но в графе напротив высшей магии стояло «превосходно» со всеми вытребованными плюсами. Выше разве что «восхищен до глубины души», но такой оценки еще не придумали.

— Довольны, госпожа Грандэ? — любезно уточнил он.

— Вполне.

Я спрятала табель в сумку, забрала брошенную на диван мантию и замаялась, не понимая, куда ее деть. Не пойдешь же в ресторацию в академической форме.

— Оставьте мантию здесь, — предложил Киар, надевая пиджак. — Завтра заберете.

Пока я пристраивала форму на вешалку, види-

мо, забыв об огненном казусе на экзамене, он натянул пальто и расправил воротник. На черной дорогой ткани, в самом видном месте, естественно, зияла дыра с опаленными краями. В молчании мы воззрились на это живописное доказательство моего неумения справиться с сильной магией.

— Извините, я не нарочно подожгла, — попыталась я заполнить многозначительную паузу. — Просто ваша магия внезапная, как городские голуби!

Ответом послужил знакомо-убийственный взгляд, на занятиях вызывавший у меня паралич дыхания. Киар стащил с плеч испорченное пальто.

— Вы замерзнете в одном костюме, — вымолвила я и тут же поняла, насколько неуместно прозвучало замечание. Словно мы превратились не в вынужденных сообщников, связанных одним большим секретом, а в близких друзей.

— Дадите шаль? — хмыкнул он и накинул пальто на рогатины вешалки. Оно вспучилось, словно на спине, не тронутой огненной магией, вырос горб.

— Нет, ну, если очень надо...

— Не мнитесь. Я не пытаю детей холодом.

Рэнсвод отпер дверь и кивком указал мне в коридор, дескать, идите — путь свободен.

— Буду ждать вас в экипаже.

— За воротами, — добавила быстренько. — К слову, как выглядит ваш экипаж? Чтобы не перепутать и не сесть в чужой.

— Мой экипаж непритязателен, с затемненными окнами, — подсказал Рэнсвод, мало что проясняя.

— Значит, буду отгадывать, — пробормотала себе под нос.

Я забрала из гардероба пальто и, пока шла под зажженными фонарями к академическим воротам, пыталась избавиться от дурацкого ощущения, что попала в страшный сон. Еще вчера мне в кошмаре не привиделось бы, что мы с Киаром Рэнсводом заговорим о чем-то, кроме законов высшей магии, а сегодня он прикасался к моей обнаженной спине. Прежде мою спину трогала только мама! И то когда ставила банки от простуды.

Вечером перед академией всегда царило оживление. В торговых лавчонках светились витрины. Сновали студенты и горожане, а непритязательных экипажей городских возниц в ожидании пассажиров стояла целая вереница.

Встав на пешеходной мостовой, я осмотрелась в поисках самой непритязательной кареты, но непременно с затемненными окнами. Дверца одной многозначительно приоткрылась, намекнув, что можно не страдать муками выбора.

Рэнсвод протянул руку и помог мне забраться в салон. Усевшись, я пристроила на коленях сумку и попыталась задвинуть ноги под сиденье, чтобы случайно не соприкоснуться с магистром коленями.

— Далеко ресторация? — спросила я.

— В какое время вас ждут дома? — уточнил он.

— Я живу в академическом общежитии.

— Значит, вы вернетесь раньше, чем закроются ворота.

Он невозмутимо постучал в стенку, приказывая кучеру трогаться. От первого рывка я едва не съехала с кожаного сиденья. Сумка выпала из рук и плюхнулась на колени Рэнсвода. Кажется, что-то высыпалось на пол.

— Простите! — охнула я, схватив несчастную торбу с такой скоростью, словно она могла прожечь дыру на штанах у магистра, и вжалась в спинку сиденья.

Лучше бы мне прилипнуть к этой спинке намертво!

— Вы напуганы, София? — вдруг спросил Киар, никак не прокомментировав неловкость.

Его лицо скрывалось в глубокой тени, но я все равно ощущала прямой, испытывающий взгляд.

— Да, — не стала лукавить. — Не могу понять, как вы случайно могли потерять первородный огонь?

— Я не верю в случайности, — честно ответил он. — В искусстве черных заклятий существует не меньше десятка способов отобрать у мага силу и почти три сотни — имеющих подобный побочный эффект.

— То есть кто-то специально лишил вас дара?

— Или ненамеренно. Я не имею права кого-то огульно обвинять, пока не будет доказательств, — мягко, но непреклонно отказался строить предположения Рэнсвод.

— Но почему магия перешла ко мне? Я вроде как... оказалась ближе всех?

Повисла странная пауза, словно мне следовало самой догадаться о причине неожиданного приобретения.

— Видимо, вы меня по-настоящему ненавидите, София, — в его голосе сквозила знакомая ирония.

— С чего вы решили? — смутилась я, поблагодарив божественного слепца, что в темноте не разглядеть, как вспыхнули щеки.

— Дар покинул меня, но отозвался на яркие эмоции и принял их за зов. Я вам настолько не нравлюсь?

— Вовсе нет! — выпалила я.

Боже мой, что соврать-то?

— На самом деле, я в вас влюблена!

В салоне повисла настороженная тишина. Было слышно, как звонко стучат по промерзшей дорожной мостовой копыта лошади, а на проспекте постовой истошно дует в свисток, ругаясь на зазевавшихся извозчиков.

— Но эти неуместные чувства не ваша проблема, — торжественно заявила я. — Обещаю, что я вас ничем не побеспокою и очень быстро с ними справлюсь.

— То есть я действительно вам глубоко неприятен, — выслушав мою пламенную речь, резюмировал Рэнсвод.

К счастью, докапываться до причин он считал лишним. Не уверена, что мне хватило бы такта соврать что-нибудь вежливое и не высказать накопленные претензии обо всех нападках, что пришлось пережить за последние полгода. Да меня так не отчитывали... Вообще никогда не отчитывали.

Он ругался, когда заклятия удавались, а уж если не удавались, то обрушивался с такой критикой, что я съеживалась от осознания собственной никчемности. Едва не заработала комплекс профессиональной неполноценности! А он, как оказалось, даже мое имя не помнил. Мило. Как раз в духе натурального тирана.

Карета катилась по извилистым столичным мостовым. Сквозь затемненные окна было почти не видно монументальных, тяжелых зданий, фонари казались размытыми пятнами.

Но-Ирэ переводилось с первородного языка как «город ветров и скал». Он действительно зародился в скалистой купели и день за днем отвоёвывал место у гор: вращал в каменную твердь мощными башнями, окружал себя толстыми стенами, прорубал дороги, растекался площадями.

Королевский дворец нависал над столицей, довлел, внимательно наблюдал. Его длинные шпили, протыкающие облака, на рассвете в ясную погоду вспыхивали, ловя первые солнечные лучи. С высокомерием монарших вассалов из-за густых хвойных садов казали ухоженные лики верхние кварталы с богатыми особняками и фешенебельными гостевыми дворами.

Альма считала большой странностью, что меня не тянуло к красивой жизни и за четыре года я ни разу не поднималась в Стрэйн-Лейн, в самый известный и дорогой район магических мастерских. Но настоящая жизнь, какая она есть у обычных людей, бурлила внизу, в переплетении змеевидных улиц. Здесь теснились разновеликие дома с двускатными черепичными кры-

шами, кричали рыночные зазывалы, дымились тележки торговцев уличной едой, а воздух в любое время года пах острыми шай-эрсскими пряностями.

Ресторация, куда мы приехали, пряталась на тихой улице, в отдалении от Восточных ворот. В этом облюбованном студентами квартале, тесном и шумном, были едальные ряды, библиотечная площадь и недорогие торговые лавчонки. В них продавалось абсолютно все, начиная от готового платья и заканчивая мелкими артефактами, а потому было просто встретить знакомых.

— Это заведение закрыто для посторонних, — проговорил магистр, помогая мне выбраться из кареты. — Здесь нас не побеспокоят.

В дверях нас встретил распорядитель. Он поздоровался с Рэнсводом с большим пиететом и в обход неприятязательного, на первый взгляд, обеденного зала провел нас на верхний этаж, в отдельный кабинет.

Как-то незаметно мне помогли избавиться от пальто и отодвинули тяжелый стул перед большим прямоугольным столом. Жестом фокусника распорядитель сдернул с пустых тарелок салфетки в тон скатерти изо льна и с любезной улыбкой объявил:

— Сегодня шеф-повар превзошел себя! У нас нежнейший ягненок с черносливом, первосортные говяжьи стейки, и к вечеру доставили ледяного окуня из Норсента. Подается на подушке из разваренной ячменной крупы и с лимонным муссом. Очень рекомендую.